

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УЧЕБНЫЙ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ ИИМО
ООО «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «НАСЛЕДИЕ»

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНОЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ВРЕМЯ

ВЫПУСК 2

Сборник научных трудов, посвященный 70-летию
профессора В.П. Копылова

THE BLACK SEA REGION IN ANTIQUITY
AND EARLY MIDDLE-AGES

Issue 2

Papers Presented to V.P. Kopylov
on the Occasion of his 70th Birthday

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
П-77

Ответственный редактор: кандидат исторических наук А.Н. Коваленко.

Редакционная коллегия: М.Ю. Русаков, А.А. Русакова, С.Ю. Янгулов, В.О. Иванов,
Р.П. Ёлкин.

Рецензент: доктор исторических наук, профессор СКФУ, заслуженный деятель культуры
РФ А.А. Кудрявцев.

П-77 Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Выпуск 2.

Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова –
Ростов-на-Дону, 2018 – 668 с.: илл.

Сборник посвящен 70-летию известного российского археолога, начальника Южно-
Донской археологической экспедиции – Копылова Виктора Павловича. В работах
его коллег и друзей из разных стран рассматриваются актуальные проблемы, в той
или иной степени связанные с научными интересами Юбиляра. В сборнике пред-
ставлены материалы по истории, археологии, нумизматике и эпиграфике Северного
Причерноморья античного и раннесредневекового времени.

Мнение авторов публикуемых статей может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-906785-50-3

© Учебный музей археологии ИИМО ЮФУ, 2018
© Археологическое общество "Наследие", 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Коваленко А.Н.</i> От редакции	
<i>Янгулов С.Ю.</i> Виктор Павлович и «Елизаветовка»	4
<i>Шелова-Коведяева Н.В.</i> История формирования школы керамистов в Южно-Донской экспедиции	6 8

История науки

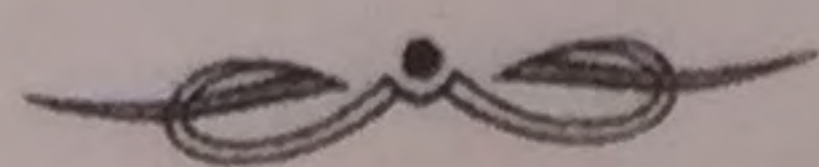
<i>Виноградов Ю.А.</i> Пётр Иванович Хицунов и его археологическая судьба	15
<i>Полин С.В.</i> Об изображениях скифских царских курганов Александропольский и Чертомлык	31
<i>Горончаровский В.А.</i> Загадка Львиного кургана	39
<i>Тункина И.В.</i> Херсонес Таврический и Гераклейский полуостров в рукописных материалах конца XVIII – начала XIX вв.	53

Публикации

<i>Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Хондзия З.Г.</i> Комплекс находок эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия)	76
<i>Кузнецов В.Д.</i> Архаический дом из Фанагории	99
<i>Зинько В.Н.</i> Северный участок крепостных стен боспорского города Тиритака	107
<i>Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.</i> Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г.	120
<i>Русакова А.А.</i> Краснофигурный кратер с изображением Ники на квадриге из раскопок Елизаветовского городища	145
<i>Ёлкин Р.П.</i> Перстень с изображением Эрота из дельты Дона	150
<i>Качарава Д.Д.</i> Об одной группе серебряных украшений из Вани	154
<i>Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П.</i> Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком "монетного" типа	166
<i>Квирквелия Г.Т.</i> Бронзовые обкладки ножек клине из Ванского клада 2007 года	177
<i>Медведев А.П.</i> Склеп погребения 54 восточного некрополя Фанагории	198
<i>Шаликадзе Т.Ш.</i> Погребения римской эпохи из приморья Юго-западной Грузии	208

Исследования, проблемы, дискуссии

<i>Буйских А.В.</i> Шел второй год 33-й Олимпиады...	220
<i>Зуев В.Ю.</i> Об одной серии зеркал борисфенитского типа	232
<i>Русаков М.Ю.</i> Лепная керамика из погребальных комплексов раннескифского времени Нижнего Дона	244
<i>Шепко Л.Г.</i> Скифские памятники Подонцовья и северо-восточного Приазовья	253
<i>Ларенок П.А.</i> Дельта реки Дон в раннем железном веке	263
<i>Канторович А.Р.</i> Образ дельфина в восточноевропейском скифском зверином стиле	267
<i>Гуляев В.И.</i> Финикийские торговцы в Скифии («лицевые» бусы-амулеты)	280

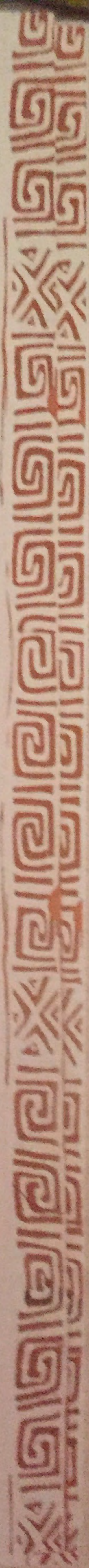
Фиалко Е.Е., Хомчик М.А. Набор медицинских инструментов из погребения скифской амазонки	295
Болтрик Ю.В. Бердянский курган как ключ к пониманию устройства погребальных комплексов скифской элиты	309
Монахов С.Ю. Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана	320
Копылов А.В., Копылов В.П. Производственный комплекс Елизаветовского городища первой половины IV в. до н.э.	334
Коваленко А.Н. Эллинские и варварские традиции в строительном деле Елизаветовского городища	347
Шелов-Коведяев Ф.В. Об обстоятельствах гибели Елизаветовского поселения в 270-е годы до Р.Х.	364
Sojocarui V. Some remarks on <i>proxenia</i> in the Black Sea area	371
Снытко И.А. Зевс Сотер и Афина Сотейра в ольвийском пантеоне в классическую и раннеэллинистическую эпохи (по материалам новых находок в Нижнем Побужье).	382
Николаев Н.И. Агораномы эллинистической Ольвии	392
Туровский Е.Я. Некоторые дискуссионные вопросы истории Херсонеса в эпоху эллинизма	407
Трейстер М.Ю. Парадный кинжал в ножнах из Дач	413
Ларенок В.А. Оружие в женских погребениях некрополя Кобякова городища	432
Кахидзе Э. Апсар: римская крепость на окраине Imperium Romanum	450
Джопуа А.И., Ньюшков В.А. К проблеме этнокультурной принадлежности памятников северо-западной Абхазии в I–VI вв.	457
Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Пути и этапы формирования сасанидской фортификации Дербента V–VII вв. в свете археологических исследований 1970–1995 гг.	466

Вопросы изучения керамики, керамическая эпиграфика, нумизматика

Dupont P. Apollonia pontica: recent lab advances and prospects	497
Кахидзе А.Ю. Краснофигурный кратер из Пичвнари	502
Егорова Т.В. Еще раз об S-видных эллинистических канфарах	510
Bouzek J. Imitations of East Greek and Attic vases in Thrace and in other parts of the Black Sea area: the GreyWare	520
Ушаков С.В. О ранневизантийской краснолаковой керамике из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе	533
Ефремов Н. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда	542
Матера М. Об одной находке из Танаиса. Анэпиграфное клеймо с изображением кисти винограда	562
Варшаломидзе И.Дж. Античные монеты Восточного Причерноморья (Аджария)	572

На перекрестках науки

<i>Мордвинова В.И.</i> Возможности изучения культурно-исторических процессов на археологическом материале	577
<i>Brand D.</i> The Tanais across time, space and genre: Alexander, Amazons and visions of love to north and east	584
<i>Суворова Н.И., Серго С.В., Лазарев Н.В.</i> Применение методов дактилоскопии и трасологии при исследовании предметов коропластики Елизаветовского городища	596
<i>Паромов Я.М.</i> Влияние грязевых вулканов Таманского полуострова на его культурно-историческую среду	617
<i>Де Буан Ж.П.</i> Археологическая практика и художественное творчество: размышления о городище Мез-Нотариу	646
Список сокращений	656
Contents	661
Содержание	663

ных причинно-следственных связями. В своей временной протяженности исторический процесс имеет качественно различные этапы и стадии, которые включают определенную совокупность событий и ситуаций, составляющих подсистемы в общей динамической системе общественного развития» (Коваленко, 2003: 198).

Культурно-исторический процесс, в отличие от исторического, можно охарактеризовать как последовательность этапов и моментов в возникновении, развитии и завершении применения определенных методов и способов негенетического приспособления человеческого общества к окружающему миру в конкретном историческом контексте. Изучение процессов адаптации человеческого общества к окружающей среде Джулиан Стюард назвал «культурной экологией» (Steward, 1955). Методы и способы культурной адаптации, которые фактически являются формами реакции человеческого общества на условия окружающей среды, могут относиться к различным сферам общественной жизни: социальной, экономической, политической, идеологической. В англоязычной антропологической литературе в данном контексте обычно используют термин *стратегии* (Feinman, 2012: 25, 31-32; Stark, Chance, 2012: 196-198), а также понятийную пару *challenge* (вызов) – *response* (ответ) (Toynbee, 1934; Dobesch, 2004: 35).

В общей системе процессов, происходящих на Земле, культурно-исторические процессы занимают особое место. Их специфика состоит в том, что они протекают одновременно в двух взаимодействующих саморазвивающихся средах – природно-географической и социальной. Являясь частью экодинамических геоморфологических процессов, культурно-исторические процессы взаимодействуют с прочими экзогенными и эндогенными процессами, и с ними вместе образуют на Земле глобальный круговорот вещества и энергии (Клюкин, 2007: 12).

Там, где природно-географические условия ограничивают действие социальных факторов, можно выделить культурно-исторические процессы разного пространственного масштаба, от районного, зонального, континентального до межконтинентального (вплоть до глобального). Культурно-исторические процессы, в которых на первый план выступает действие причин социального характера, различаются по масштабу затрагиваемых ими сообществ – от групп людей и социальных слоев/детей до общества разного уровня сложности (см. Renfrew, Bahn, 1991: 153 сл.), объединяющих их мир-систем (см. Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007) и, в конечном счете, всей аттросферы.

Культурно-исторические процессы могут происходить под действием внутренних и внешних сил. Экологические культурно-исторические процессы – это процессы выработки обществом методов и способов адаптации к инновациям, появившимся в результате внутренней социальной динамики. Такими инновациями могут являться изменение численности и плотности населения, социально-структурные изменения, развитие экономики, трансформация религиозных представлений, и т.п. Экологические процессы развиваются в обществе в ходе взаимодействия внешних факторов. В качестве внешних по отношению к конкретному сообществу выступают изменение природных условий и контакты с носителями иных культурных паттернов. Изменение природных условий имеет земную (климат, тектонические движения, денудация и аккумуляция рельефа и т.п.) и космическую (солнечная активность, приливнообразующие силы, наклон эклиптики и др.) природу, и может происходить с различной степенью динамичности. Существует мнение, что социальные системы «отстаиваются не на медленные изменения средних уровней, а на экстремальные явления» (2007: 31). Однако реакция на экстремальные явления, видимо, также в какой-то мере «экстремальна, потому они и становятся заметны для стороннего наблюдателя и самих реагирующих». А вообще социальные системы конечно же «отстаиваются» на любые изменения, но именно в других, не столь заметных формах. Контакты с другими обществами (*cultural interaction*) также могут происходить с различной степенью интенсивности, что выражается в разнообразных формах культурного обмена.

Но все культурно-исторические процессы могут рассматриваться как полемичные или конфликтные. Как и в случае с геологическими процессами, большинство из них вызываются кон-

местным действием внешних и внутренних сил (Горшков, 1982: 7). Разнообразие культурно-исторических процессов, механизмов и факторов их развития, региональных особенностей, методических подходов, целей и задач исследования, предполагает возможность разработки различных их классификаций.

Так, например, Герхард Добеш выделяет специфические формы процессов, обусловленных взаимодействием различных социумов друг с другом, конечным итогом которых является та или иная форма культурного трансфера, обозначенного общим термином *аккультурация* (Dobesch, 2004). В его концепции, процесс аккультурации предполагает вовлечение в него двух сторон – «передающей» и «принимающей», что дает в итоге четыре базовые формы:

- a) *передающая сторона* распространяет свои культурные формы, в том числе язык, с применением силы;
- b) культура *передающей стороны* распространяется сама по себе, без применения силы;
- c) *принимающая сторона* испытывает давление, которому не в силах противостоять;
- d) *принимающая сторона* сама позволяет «излучению» чужой культуры воздействовать на себя (Dobesch, 2004: 54).

Обозначенные процессы являются крайними формами, между которыми возможны промежуточные варианты: культурное смешение, конкультурация, интеграция, мультикультурация, инкультурация, антикультурация, ассимиляция, диссимиляция, декультурация и др. (Dobesch, 2004: 56-59).

Кристоф Ульф (Ulf, 2009) считает концептуальную модель аккультурации несовершенной, поскольку она не только предполагает существование автономных, ограниченных конкретными географическими рамками культур, но и заданную направленность культурных влияний, при которых культуры, «стоящие на более низком уровне развития», с необходимостью адаптируются к более передовым (Ulf, 2009: 84). Он вводит понятие контактных зон, типы которых задают направленность процессов адаптации различных социумов друг к другу:

a) *Открытые контактные зоны* – гетерархично структурированное пространство, где ни одна из сторон не монополизировала средства осуществления власти. Такие пространства возникают всякий раз тогда, когда производители и получатели конкретных предметов, идей и навыков не вступают в непосредственный контакт друг с другом, т.е. этот контакт не предполагает участие больших групп участников с обеих сторон;

b) *Отношения престижного обмена* (например, между бигменами или вождями). Конечная цель таких контактов – преобразование материальных благ в социальный капитал;

c) *Формальные контактные зоны* – «общины-шлюзы», места, где происходит простое, ограниченное и контролируемое размывание культурной границы между получателями предметов, идей и навыков, и их производителями;

d) *Надрегиональные святилища* – открытые контактные зоны, где депонируются предметы импорта из разных культурных контекстов, а также происходит обмен информацией, основанный на гетерархическом принципе;

e) *Зоны интенсивного контакта* (или *закрытые контактные зоны*) – пространство, где происходит прямой контакт между производителем и получателем;

f) *«Золотая середина»* – культурно-гибридное пространство, которое основано на «взаимном творческом непонимании», когда обе стороны заинтересованы в обмене, но стоят на различных ступенях общественного развития при паритете в военно-стратегическом отношении. Взаимодействие между культурами, как правило, колеблется между применением силы и избеганием силы.

g) *Открытое использование силы* – пространство, где одна из сторон использует средства осуществления власти, в том числе силу принуждения. Единственным ограничивающим фактором в использовании силы являются затраты на осуществление власти (Ulf, 2009: 92-101).

Обе приведенные классификации (как и подавляющее большинство других классификаций культурно-исторических процессов) приурочены к определенным исследовательским задачам. Они ограничены изучением изменений, происходящих в результате контакта социума с иными

культурными паттернами. Это делает их привлекательными с точки зрения анализа конкретных ситуаций. Однако они не учитывают внутренние социальные и внешние природные факторы воздействия на развитие общества, результаты действия которых (например, вынужденная миграция населения) могут быть весьма сходными с теми, которые были вызваны факторами взаимодействия различных социумов.

На сегодняшний день пока не предложено универсальной классификации, которая потенциально учитывала бы весь спектр возможных культурно-исторических процессов. Если рассматривать общество как организм наподобие биологического (см.: Spenser, 1876–1896)², то в основу такой универсальной классификации целесообразно положить виды реакций и последующих адаптаций социума к различным видам изменений, которые можно выделить по аналогии с процессами адаптации биологических организмов к изменениям среды обитания.

Сохранение постоянства внутренней среды (*гомеостаз*) жизненно важно для выживания человеческого общества, как и для любого биологического организма, обитающего в изменчивых внешних условиях (Мак-Фарленд, 1988: 258). Любое изменение условий существования социума, нарушение гармонии в удовлетворении основных потребностей человека – *витальных* (пищевая, питьевая, экономии сил и пр.), *социальных* (половая, родительская, эмоциональная, территориальная, иерархическая и пр.), *идеальных* (исследовательская, информационная и пр.), психологически травматично для его членов. Состояние общества, при котором необходимо адаптироваться к произошедшим/накопившимся изменениям, можно охарактеризовать как *стресс*. Конкретная реакция на стресс зависит от длительности и интенсивности воздействия факторов окружающей среды и внутреннего развития, от прошлого жизненного опыта социума и степени его устойчивости к внешним изменениям, а также от *бюджета энергии* и *бюджета времени* (Мак-Фарленд, 1988: 239, 393–405), которыми располагает социальный организм.

Объектом, на который направлены адаптивные реакции, может быть сам социум, вошедшее с ним в контакт общество (или его отдельные представители), а также предметы и явления внешнего материального мира. Сама реакция может происходить в *экстенсивной* (изменения в применении конкретного способа адаптации за счет расширения сферы его применения) и/или *интенсивной* (изобретение новых способов адаптации) форме.

Устойчивость организма, его приспособляемость к изменениям окружающей среды, способность к саморегуляции обозначается в биологии как *толерантность* (Мак-Фарленд, 1988: 260). Толерантность (адаптивность) каждого организма, в том числе общества, имеет свой оптимум и пределы.

Резкие изменения внешней и внутренней среды, выходящие за пределы оптимума толерантности, вызывают фрустрацию, которая при пороговых значениях стресса может стать губительной для организма. Основными типами реакции в состоянии фрустрации являются: а) *агрессия* – атака либо непосредственно на фрустрирующий объект/явление, либо на объект/явление, выступающий в виде его замещения; б) *дигрессия* – физическое или психологическое отступление; в) *регрессия* – возврат к шаблону поведения, которое сформировалось в прошлом, и когда-то позволяло сохранять постоянство/гармонию внутренней среды. В качестве примеров реакции общества, относящейся к фрустрационному типу, можно привести: восстание рабов в Риме под руководством Спартака 74/73–71 гг. до н.э. (*агрессия*); миграцию юэчжей после поражения в борьбе с сюнну во II в. до н.э. (*дигрессия*); проведение Японией периода Эдо политики сакоку (самоизоляции) с целью пресечения любого влияния иностранцев (*регрессия*).

Накопление опыта в ходе научения/приспособления к изменениям может привести к изменению *диапазона толерантности*, т.е. расширению или сужению пределов, в рамках которых

² Г. Спенсер отмечал значительное сходство устройства биологического организма и социума: 1) общество, как и биологический организм, на протяжении большей части своего существования растет, увеличиваясь в объеме; 2) по мере роста общества усложняется его структура, как и структура организма в процессе биологической эволюции; 3) как в биологическом, так и в социальном организме дифференциация структуры его элементов сопровождается аналогичной дифференциацией их функций (Кон, 1979).

возможно поддержание гомеостаза – регуляция (подстройка) общества к новым условиям. Процесс регуляции фактически и является *аккультурацией*, понимание которой в данном случае является расширительным по отношению к общепринятому значению этого термина как процесса взаимовлияния культур или процесса влияния одной культуры на другую (Тишков, 2000: 881), поскольку предполагает и взаимодействие с природными факторами.

Социумы могут по-разному (индивидуально) реагировать на одни и те же изменения среды обитания. В этом случае общее направление развития культурно-исторического процесса складывается из суммы векторов реакций различных социумов. Культурно-исторические процессы разного масштаба суммируются при этом также как векторы, чья результирующая определяет, в конечном счете, направление всемирно-исторического процесса. Когда процессы, представленные векторами-слагаемыми, протекают с очень разными скоростями, развитие быстрых процессов нужно, видимо, рассматривать в составе более медленных.

Полный цикл развития какого-либо культурно-исторического процесса можно, по всей видимости, представить в виде последовательных фаз. Содержание начальной фазы состоит в реакции на стрессовую ситуацию, которая может проявиться в одной из форм фрустрации либо, если стресс не превысил пределы толерантности данного общества, в форме регуляции/подстройки соответствующих социальных механизмов. Как правило, начальная фаза – короткая по времени, и сопровождается более длительным периодом приспособления общества к новой ситуации. Дальнейшее развитие процесса может проходить в виде разнообразных чередований фрустрационных и/или регулятивных реакций. Условием окончания конкретного культурно-исторического процесса является либо стабилизация ситуации в силу выработки способов адаптации к новой среде обитания, либо прекращение действия той силы, которая послужила фактором инициирования процесса, либо появление новых препятствий для нормального функционирования общества (поддержания гомеостаза) и, следовательно, развитие новой кризисной ситуации и нового культурно-исторического процесса.

Зафиксированные источниками события, факты и ситуации, свидетельствующие об изменениях в способах культурной адаптации, являются *проявлениями* конкретных культурно-исторических процессов и отражают состояние системы культурной адаптации социума в конкретный момент времени. Изучение адаптивных реакций различных групп людей на изменения окружающего мира позволяет получить более или менее объективное представление о механизмах функционирования древних и современных обществ и человечества в целом.

Изучение культурно-исторических процессов на археологическом материале имеет свои особенности.

Маркерами культурно-исторических процессов на археологическом материале являются: 1) появление и исчезновение тех или иных видов археологических памятников (поселения, могильники, святилища, клады), 2) качественные изменения в структуре и отдельных элементах археологических памятников (например, слои разрушений и пожаров, смена типов застройки на поселениях, появление новых участков и новых вариантов погребального обряда на некрополях, появление или исчезновение определенных типов артефактов и т.п.).

Масштаб культурно-исторических процессов (от локального до глобального) оценивается при синхронизации зафиксированных изменений в археологическом материале на исследуемой территории и за ее пределами.

Формулирование гипотез о возможных причинах изменений, отмеченных на археологическом материале, – наиболее сложная задача, поскольку они могли возникать в результате одновременного действия различных эндогенных и экзогенных факторов. Кроме того, возможности познания прошлого ограничены неполнотой источников. Поэтому предмет познания необходимо ограничить культурно-историческими процессами, происходившими под влиянием таких факторов, для которых существующая на сегодняшний день выборка источников является репрезентативной.

Представляется, что на базе археологических источников наиболее целесообразно изучать

культурно-исторические процессы, обусловленные событиями политического характера. Активную роль в таких процессах играла элита общества. Связанные именно с ней археологические памятники содержат признаки, анализ которых позволяет с той или иной степенью достоверности реконструировать направления внутри- и внешнеполитических связей социума. Для формирования представлений о содержании этих процессов необходимо выявление сетей внутри- и внешнеполитических связей элит в промежутках между «точками бифуркации» (начальной / завершающей фазами процесса), установленными на этапе синхронизации археологического материала. Археологические памятники, связанные с элитой общества, могут относиться к любой категории (поселения, некрополи, святилища, клады). Однако при изучении сетевых связей обществ, относящихся к различным хозяйственно-культурным типам, в том числе практически не оставляющим после себя следов длительного пребывания на одном месте, наиболее рационально использовать погребальные комплексы. Они представляют собой совокупность множества закрытых комплексов, вызывают, поэтому больший интерес исследователей и из-за этого лучше изучены.

Выявление погребальных комплексов элиты может происходить несколькими способами. Одним из них является анализ социальной структуры каждого известного некрополя, в ходе которого изучаются качественные и количественные признаки погребального обряда и особенности их пространственного размещения (Мордвинцева, 2015). В результате появляются основания для выделения групп погребений могильника с особыми наборами погребального инвентаря и вариантами погребального ритуала, некоторые из которых могут быть интерпретированы как элитные. Проведение такого анализа позволяет не только выявить погребения элиты, но и сделать выводы о структуре социальных связей в исследуемом обществе, что в дальнейшем можно использовать при сравнительном анализе некрополей между собой, а также с поселенческими структурами и другими памятниками материальной культуры.

Еще один способ – это выявление погребений элиты по совокупности формальных признаков. Погребальные комплексы элиты обычно отличаются от погребений основной массы населения по одному или нескольким признакам: (1) необычное размещение, размер и обустройство погребального сооружения; (2) необычные манипуляции с телом погребенного (например, бальзамирование, кремация вместо обычной ингумации; расчленение тела); (3) необычный погребальный инвентарь: а) особые категории предметов (т.н. предметы престижа); б) большое количество вещей в погребальном комплексе, в том числе относящихся к одной категории (нем. *Überausstattung*); (4) необычная дополнительная структура (памятник, алтарь и пр.) (Мордвинцева, 2016). Преимущество этого способа состоит в том, что он, с одной стороны, не требует непрерывного анализа каждого некрополя, что сопряжено со многими проблемами (отсутствие полных публикаций некрополей, трудоемкость и длительность исследовательской процедуры и т.п.), а с другой, позволяет учитывать случаи единичных, не включенных в систему конкретного некрополя погребений.

После выявления погребений элиты возможно провести их сравнительный анализ, в результате которого формируется представление об их возможной иерархии. Для этого составляется список «предметов престижа», которые подразделяются на (1) редкости (дикивинные, малораспространенные в культуре, и в силу этого ценные вещи), (2) вещи, подчеркивающие высокий социальный статус (драгоценная посуда; импортные товары и т.п.), и (3) «инсигнии» – институционализированные знаки власти, т.е. материальное выражение зафиксированного в знаковой системе права на осуществление должностных полномочий. Информацию об ассортименте «инсигний» можно почерпнуть из античной нарративной традиции, изобразительных (иконических) источников, и археологического контекста.

Помимо анализа предметов престижа, выводы о наличии иерархии элит могут базироваться на результатах сравнения элитарных погребальных комплексов одного хронологического горизонта по количеству труда, затраченного на их сооружение, и/или по составу погребального инвентаря. Дополнительную информацию об уровнях политической интеграции может предоставить определение типа локализации погребальных комплексов элиты: 1) отдельные погребения

элиты, расположенные среди стандартных захоронений; 2) элитный участок/участки на общем некрополе; 3) элитный некрополь; 4) одиночный погребальный комплекс элиты, вне некрополя. Первый и второй типы локализации элитарных погребений, очевидно свидетельствуют о локальном статусе политических элит. Место таких элит в общей внутривнутриполитической системе, вероятно, связано со статусом поселенческой структуры, с которой они соотносятся (при наличии таковой). Представляется также допустимым, что третий и четвертый виды локализации погребений элиты свидетельствуют об их надлокальном статусе, т.е. о том, что властные полномочия захороненных здесь представителей элиты распространялись на несколько социумов, хоронивших своих членов в отдельных некрополях.

ЛИТЕРАТУРА

- Берри Р.Дж., Бочкарева Т.В., Величко А.А., Глазовский Н.Ф.* 1991: Меняющийся мир: географический подход к изучению. Советско-американский проект. М.: Прогресс, Аризона-Пресс.
- Горшков С.П.* 1982: Экзодинамические процессы освоенных территорий. М.: Недра.
- Клюкин А.А.* 2007: Экзогеодинамика Крыма. Симферополь: Таврия.
- Ковальченко И.Д.* 2003: Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука.
- Кон И.С.* 1979: Социологическая концепция Герберта Спенсера // И.С.Кон (ред.), История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.: Наука. С. 40-52.
- Мак-Фарленд* 1988: Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. Пер. с англ. М.: Мир.
- Мордвинцева В.И.* 2015: Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // *Stratum plus*. № 4. С. 115-142.
- Мордвинцева В.И.* 2016: Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политических идентичностей на археологическом материале // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола, 22-25 ноября 2016 г. С.-Петербург. С. 251-259.
- СЭС 1989: Советский Энциклопедический Словарь. М.: Советская энциклопедия.
- Тишков В.А.* 2000: Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия.
- Chase-Dunn Ch., Hall Th.D., Turchin P.* 2007: World-Systems in the Biogeosphere: Urbanization, State Formation and Climate Change Since the Iron Age // *Hornborg A., Crumley C.L. (eds.), The World System And The Earth System. Global Socioenvironmental Change And Sustainability Since The Neolithic.* Walnut Creek: Left Coast Press. P. 132-148.
- Dobesch G.* 2004: Zentrum, Periferie und „Barbaren“ in der Urgeschichte und der Alten Geschichte // *Friesinger H., Stuppner A. (eds.), Zentrum und Peripherie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte. Materialien des 13. Internationalen Symposiums „Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donauraum“.* Wien. P. 11-93.
- Feinman G.M.* 2012: Comparative frames for the diachronic analysis of complex societies. Next steps. // *M.E. Smith (ed.), The Comparative Archaeology of Complex Societies.* – New York: Cambridge University Press. P. 21-43.
- Renfrew C., Bahn P.* 1991: *Archaeology. Theories, Methods and Practice.* London: Thames and Hudson.
- Spencer H.* 1876-1896: *The Principles of Sociology.*, 3 vol. New York: D. Appleton and Co.
- Stark B.L., Chance J.K.* 2012: The Strategies of Provincials in Empires // *M.E. Smith (ed.), The Comparative Archaeology of Complex Societies.* New York: Cambridge University Press. P. 192-237.
- Steward J.H.* 1955: *Theory of culture change: Methodology of multilinear evolution.* Urbana: University of Illinois Press.
- Toynbee A.J.* 1934: *A Study of History. Vol. I: Introduction; The Geneses of Civilizations, part one.* Oxford: Oxford University Press.
- Ulf Ch.* 2009: Rethinking Cultural Contacts // *Ancient West and East* 8. P. 81-132.